

**Пусть Сорокопут
примет вас
в свою семью**

Песнь Сорокопута

Песнь Сорокопута.
Ренессанс

Песнь Сорокопута.
Да здравствует принц!

Фрэнсис Кель

ПЕСНЬ СОРОКОПУТА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К34

Иллюстрация на переплете *Дарьи Дмитриевой (Markass)*
Иллюстрации на форзаце и нахзаце *Кристины Деминой*
Разработка серийного оформления *Юлии Девятовой*
Дизайн обложки *Александра Андреева*

Кель, Фрэнсис.

К34 Песнь Сорокопута / Фрэнсис Кель. — Издание 2-е, исправленное. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-207268-0

Отец учил Готье тому, что каждый должен знать свое место в этом мире:

Чистокровные правят. Полукровки работают. Низшие разрушают. Джером с детства уяснил только одну истину:

Чистокровные празднуют. Полукровки прислуживают. Низшие страдают.

Их миры могли никогда не столкнуться, если бы не Скэриэл.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207268-0

© Кель Ф., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Предисловие

Здравствуйте, дорогой читатель.

Я бы хотела предложить вам перейти на «ты», но не дождусь здесь ответа, а быть невежливой не хочу.

Вы держите в руках обновлённое издание «Песнь Сорокопута» с обложкой Дарьи, она же Markass. Надеюсь, что вам понравится карта Октавии, которую рисовала Екатерина Звонцова. Её вы сможете увидеть по qr-коду. Екатерина не только подарила нам карту, но и стала литературным редактором цикла. В конце книги вас ждёт список отсылок (который я давно обещала, но преступно долго тянула), а ещё дополнительные сцены и главы. Чтобы цикл мог свободно продаваться, нам пришлось совсем чуть-чуть поработать с его текстом, давайте называть это «аккуратными изменениями», как говорит Кира Фролова, мой ведущий редактор. Мы вложили много любви и сил в этот цикл, поэтому надеемся, что вам понравится.

Благодаря всему этому Сорокопут теперь широко расправит крылья и устремится вперёд.

Per aspera ad astra. Через тернии к звёздам.

Пролог

Я кричал, тянулся к нему, но не мог приблизиться ни на дюйм.

На запястьях были наручники; меня приковали к ржавой трубе, по которой ползали мокрицы. Очертания подвала едва удавалось различить в свете тусклой лампочки. Она часто мигала — казалось, вот-вот потухнет, оставив нас троих в темноте.

Джером, прикованный к трубе напротив меня, не кричал, не вырывался — словно смирился с неизбежным. На его лице читалось безграничное отчаяние: брови надломлены, рот испуганно приоткрыт. Он немигающим взглядом смотрел на Скэриэла, как будто боялся, что, если моргнёт, — тот исчезнет.

— Скэриэл! Пожалуйста! — в панике крикнул я, повернул голову к металлической двери и взмолился в пустоту: — Пожалуйста, кто-нибудь! Он умирает! Помогите!

Скэриэл лежал между нами; нож всё ещё торчал из его груди. Кровь медленно окрашивала грязный пол. В тусклом свете она сделалась практически чёрной. Или мне это только казалось.

— Пожалуйста... — прошептал я отчаянно и глухо. — Спасите его...

Слёзы застилали глаза. Запястья саднило там, где серебристый металл натирал кожу.

Я вновь посмотрел на Скэриэла. Он не двигался, не издавал ни звука; его руки были скованы наручниками за спиной. Он лежал как тряпичная кукла посреди грязного подвала. Я не видел его лица, на которое завесой упали тёмные волосы. Мне так хотелось дотянуться до него, заправить прядь за ухо — тем жестом, который он так любил.

— Всё кончено, — вдруг тихо произнёс Джером и впервые за всё время нашего заточения поднял на меня взгляд, полный жалости. — Это конец.

1

— Господин Готье.

Я обернулся. Наша новая горничная — Лора, девушка-полукровка лет семнадцати, — стояла в дверях гостиной, опустив взгляд и сцепив руки в замок. Мимоходом я отметил, что она чудесно выглядит в чёрном форменном платье до колен и белом переднике. Было заметно, что Лора нервничает — кажется, сегодня она впервые обратилась ко мне по имени, хотя жила с нами уже около месяца. Небольшой срок, но комната в домике для прислуги ей досталась хорошая, ведь она приходится племянницей Сильвии, нашей домоправительнице.

— Господин Уильям просит вас в свой кабинет.

Я ничего не ответил. Она кивнула, словно я что-то ей поручил, и тихо ушла, так и не подняв взгляда.

Прежде я не интересовался, кто занимается покупками, оформляет гостиную к праздникам, — принимал как должное, что три этажа нашего дома и участок всегда в идеальном порядке, мои рубашки отглажены и висят в шкафу, дожидаясь своего часа, а в любое время дня и ночи я могу получить свежеиспечённый

хлеб, горячий суп или говядину на гриле. Только недавно я осознал, что вещи не сами возвращаются на места после того, как Габриэлла, моя сестрёнка, раскидает их во время игр; что не по мановению волшебной палочки комнаты обретают прежний вид спустя пару часов после того, как наш старший брат Гедeon в гневе разнесёт половину дома (это случалось в последнее время довольно часто, особенно когда отцу приходилось надолго уезжать). Лишь непривычно тихое поведение прислуги всегда подсказывало: произошло что-то из ряда вон выходящее. Я слышал шёпот тут и там, но стоило мне войти в комнату, как все сразу замолкали и выглядели так, словно их поймали на продаже семейного фарфора.

Помню, как-то, лет в десять, я проснулся рано утром из-за кошмара. Прележал полчаса и, не сумев уснуть, спустился в кухню выпить стакан воды. Там я внезапно столкнулся с Кэтрин и Фанни: они сонно месили тесто для хлеба. Меня это удивило. Почему они не спят? Зачем готовят в такую рань? Мне довелось увидеть изнанку наших будней.

Оказалось, что Сильвия встаёт ни свет ни заря и руководит всеми слугами: несколько женщин ответственны за уборку, Кэтрин и Фанни — за кухню. Миссис Нар — гувернантка Габриэллы. Теперь появилась ещё и Лора — она пока выполняет простые поручения, учится всему, но, возможно, в будущем, лет через двадцать, займёт место тётки. Ещё есть мой водитель Кевин, которого можно назвать везунчиком: обязанностей у него поменьше. Он отвозит меня в лицей утром и забирает после обеда. Больше я никуда не выезжаю.

Теперь, зная, сколько трудится наша прислуга, я стараюсь всегда наводить порядок в своей комнате,

следить за чистотой, напоминать восьмилетней Габриэлле, чтобы она убирала игрушки. А их, клянусь богом, так много, словно мы целыми днями только и делаем, что, как безумные, скупаем их по магазинам. Детский хлам всюду: бесконечные куклы с одеждой и домиками, плюшевые медведи, рассыпанные по углам пазлы, которые Габриэлла если и собрала бы в цельную картину, то только к старости. Но самое кошмарное — маленькие и острые детали от «Лего». С виду мягкий, светлый ковёр в комнате сестры больше похож на минное поле. Я бы не решился туда зайти ни за какие деньги. А вот Скэриэлу Лоу, моему лучшему другу, там нравится: он с удовольствием пьёт с Габи чай из детского сервиза в окружении мягких зайцев и слонов, что бывает, к счастью, нечасто.

Уже не раз Габи, наслушавшись отца, с детской непосредственностью обрушивала на Скэриэла град вопросов:

— Скэриэл, а вы полукровка? Как Сильвия и Лора? Мой папа говорит, что в Октавии у полукровок никогда не было таких же прав, как у чистокровных. Все полукровки должны работать на чистокровных. А вы тоже работаете? Вы были в Запретных землях? Это очень плохое место.

Но если успокоить Габриэлла мне под силу, то остановить разгневанного Гедеона я никогда и не пытался: во мне ещё жив инстинкт самосохранения. Гедеон старше меня на четыре года, но судя по нашим отношениям — на все сорок. Всегда сдержанный и тактичный, брат в то же время подобен вулкану, копящему недовольство долгие годы, а затем извергающемуся так мощно, что лучше сразу разбежаться кто куда. Мне всякий раз стыдно за эти его порывы уничтожить всё вокруг. Не знаю, что чувствует брат, но после своих срывов он не

покидает комнату несколько дней. А потом снова появляется всеми уважаемый, порядочный Геден Хитклиф собственной персоной. И так раз за разом.

Я отложил книгу, которую читал, а если быть честным — то последние десять минут рассеянно водил глазами по тексту. Отвлёкшись на свои мысли, я упустил нить повествования задолго до появления Лоры. Обычно я всё время провожу в своей комнате: читаю, играю в приставку, доставшуюся путём долгих и упорных переговоров с отцом, и учусь. Бывает, я с головой ухожу в придуманный мир, переживаю за персонажей игр, книг или фильмов, забываю о семье, да что уж там — о том, что организму банально необходимо есть и спать, но, к счастью или нет, позволить себе такое я могу только на каникулах.

Отец нечасто приглашал меня в свой кабинет, и теперь я готовился к худшему. Он мог опять начать разговор про Скэриэла. Я люблю отца и уверен, что он отвечает мне тем же, вот только он всегда был против проявлений каких-либо нежных чувств. Мы не разговаривали по душам (возможно, и к лучшему; как только я представляю себе столь конфузную ситуацию — хочется аж на стену лезть), не ходили вместе в кино, в кафе, на стадион, чтобы поболеть за любимую команду по баскетболу или хоккею, — ничего такого. Мы с отцом вообще никогда не обсуждали что-либо дольше десяти минут.

Я поднялся на третий этаж, постучал в дверь и вошёл, оглядывая кабинет — просторный, напоминающий скорее личную библиотеку с широким письменным столом в центре. Посмотрел на высокую, статную фигуру отца. Он был занят документами. Выглядело всё так, будто я без приглашения ворвался к нему в разгар рабочего дня.

— Вы хотели меня видеть? — осторожно нарушил тишину я, но он даже не поднял седой головы.

Взгляд привычно зацепился за три фоторамки на письменном столе. Я знал, что на самом большом фото запечатлена мама: молодая, красивая, она тепло улыбалась в объектив. Эта улыбка могла покориť любого. На другой фотографии, центральной, были Гедеон, Габриэлла и я: сестра восторженно позировала, а мы с братом пытались спрятать кислые мины. Помню эту ужасную семейную фотосессию, после которой я зарёкся участвовать в подобном. Последнее фото стояло горизонтально, и на нём было целых девять хорошо одетых, светловолосых юношей — вроде какие-то друзья детства отца. Глядя на этот снимок, я вспоминал, что когда-то и он был озорным и юным. Когда-то очень давно. Наверное, он уже и позабыл, что значит озорство.

— Присядь, — наконец кивнул отец.

По его тону я уже чувствовал, что разговор выйдет тяжёлым.

— Как твои дела в лицее? — не отрываясь от очередного документа, спросил он.

Прекрасно — разве по моему табелю, который ты сейчас рассматриваешь, не видно? Я молчал. Не знал, что ответить на, казалось бы, такой простой вопрос. Он получал лист с моими оценками в конце каждой недели. Преподаватели докладывали ему обо всех моих успехах и неудачах раньше, чем я возвращался домой. Иногда мне казалось, что я поступил в этот лицей, потому что у отца там повсюду глаза и уши.

Об этом я много думал в первые годы учёбы. Всё время хотелось выкинуть что-нибудь шокирующее — не прямо чтобы довести отца до инфаркта, но чтобы показать: я могу выйти из-под его контроля. В голове

крутились тысячи проделок, хотелось доказать хотя бы себе, что я могу пойти наперекор воле отца, послушаться брата, открыто высказать своё мнение преподавателям, вступить в полемику с одноклассниками — много чего могу. Ведь я был в том возрасте, когда казалось, что море по колено. Однако все мои гениальные планы лопались, как воздушный шарик.

— В следующем году ты поступаешь в академию, готовься усерднее.

Я кивнул. Пока мои опасения не подтверждались. Разговор начинался легко, по крайней мере, сейчас отец выдавал прописные истины. Он отложил табель и посмотрел на меня. К этому оценивающему взгляду я привык. Меня бы больше выбило из колеи, возьми он меня за руку и произнеси что-то трогательное, ну, знаете, в стиле: «Сынок, видел твои оценки, ай да молодец, весь в меня», — вытирая при этом скупую слезу. Я бы рухнул в обморок.

Я сидел, как меня учили: осанка прямая, взгляд открытый. Спокойствие, сосредоточенность, ровный голос, еле заметная улыбка, руки раскрыты — не зажимайся, Готье.

— Ты помнишь про наставников? Тебе нужно будет выбрать наставника из старшекурсников.

Да, наставники. Как я мог забыть, мне ведь напоминали об этом... хм, как минимум двадцать раз в неделю. Постоянно вылетает из головы!

В следующем году, на первом курсе Академии Святых и Великих, ко мне приставят наставника, который будет отвечать за меня. *«Симбиоз юных и зрелых умов. Опыт против неискушённости»*. Так написано в буклете, но на деле всё прозаично до слёз. Старшекурсник поможет мне с адаптацией, поделится советами по поводу учёбы. Я успешно сдам теорию с практикой,

а старшекурсник получит баллы за мои старания. И мы с ним, залиvisto смеясь и держась за ручки, побежим по зелёному лугу, и радуга будет переливаться над нашими головами.

Меня передёрнуло.

— Не хочешь наставника? — усмехнулся отец. — Ты можешь попросить Оскара.

Оскар Вотермил, однокурсник Гедеона и старший сын папиного лучшего друга. Мистер Вотермил владеет сетью фабрик по производству элитного алкоголя. Король крепких напитков. Мистер десятибалльное похмелье. В детстве Оскар с Гедеоном дружили, но потом из-за чего-то поссорились. Теперь, если Оскар приходит к нам на очередной официальный банкет, Гедеон неизменно обращается с ним как с заклятым врагом, разговаривает сквозь зубы. Клянусь, мне вечно кажется, что вот-вот произойдёт очередное извержение вулкана по имени Гедеон Хитклиф и среди первых погибших непременно будет Оскар. Так что уверен: он станет моим наставником, только если я окончательно рехнусь и захочу сжечь все хрупкие мосты братских чувств. День, когда мы с Оскаром будем залиvisto смеяться и бегать по лугу под ручку, станет последним в наших жизнях. Не удивлюсь, если Гедеон пристрелит нас обоих. Двух зайцев разом. Вот удача, да?

— Я подумаю над этим, — выдавил я, понимая, что нужно хоть что-то ответить.

Отец взялся за новую стопку документов и продолжил:

— Или ты можешь попросить брата стать твоим наставником, он как раз будет на последнем курсе. Это оптимальный вариант для вас обоих. Гедеону тоже нужно выбрать первокурсника.

Проще сразу броситься под горячую руку Гедеона, когда он не в духе, чем весь следующий учебный год жить на пороховой бочке. Взорвётся сейчас или через секунду? Успею ли я выпить стакан сока или он запустит в меня своей чашкой раньше? Не помню, когда в последний раз мы с ним полноценно разговаривали. Я мог бы драматично заметить, что забыл, как звучит его голос, но по утрам слышу это сдержанное: «Доброе утро, отец. Вы видели сегодняшние финансовые сводки?» Он учтиво обращается к другим в доме: «Габриэлла, будь так любезна, допей сок», «Сильвия, не приготовите ли вы нам на ужин своё коронное блюдо? Да, то самое, запечённого гуся». При этом он избегает меня, будто любое взаимодействие между нами может привести к ужасающим последствиям.

— Я подумаю.

— Хорошо, — кивнул отец. — Ступай.

Это всё? Неужели он отпустит меня так просто? Наверное, на моём лице отразился весь спектр положительных эмоций, а это редкость. Я так подскочил, что сам себя одёрнул.

На выходе из кабинета отец всё же окликнул меня ещё раз. Прикусив язык, я изобразил ангельское смирение и повернулся к нему.

— Где ты был ночью? Сильвия говорит, что видела кого-то во дворе под твоими окнами, — строго произнёс он, не отвлекаясь от документов.

Почему трудолюбивая и зоркая Сильвия не спит по ночам? Ей вставать рано, а годы-то уже не те. И, кажется, кое-кому, кто слишком шумел, пока добирался до моих окон, стоило оторвать ноги.

— Я спал, отец. — Отчасти это была правда: я спал, пока Скэриэл не появился среди ночи.